

права¹. Конституционные принципы, к числу которых относится принцип суверенитета, представляют собой «базовые мировоззренческие юридические предписания», «общие исходные идеи», «руководящие начала права»², в которых выражается учредительная природа конституции, закрепляются основы организации власти государства³.

Полагаем, что продуктивно рассматривать принцип суверенитета с аксиологических позиций. Суверенитет России наряду с демократической государственностью, государственным единством (В.Е. Чиркин⁴), свободным человеком, целостностью демократического социального правового государства (Б.С. Эбзеев⁵), народовластием (В.Д. Зорькин⁶) отнесен к числу базовых, конституционно значимых ценностей.

Таким образом, государственный суверенитет продолжает свое движение в доктринальном и конституционном смыслах, оставляя интересные смысловые и практические траектории через века и континенты. Прирастая идейными и формальными находками, государственный суверенитет укрепляет позиции как аксиологическая константа, которую еще предстоит постичь.

Олейник Николай Николаевич,
д.и.н., проф., профессор кафедры
конституционного и муниципального права
(НИУ «БелГУ», Белгород)

НЕОДНОРОДНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ КАК ФАКТОР ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Различия между Востоком и Западом Украины разительны. Чтобы выяснить их глубину, прежде всего, необходимо обратиться к истории.

О жизни украинцев в империи Габсбургов можно сказать одним

фия. М.: Международные отношения, 2001. С. 15.

¹ См., например: Ереклинцева Е.В. Проблемы определения суверенитета в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 3-8; Крылов Б.С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 2-6; Левин И.Д. Указ. соч. С. 11-18.

² Гаджиев Г. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 22-24.

³ Абрамова О.К. Конституционные ценности как особая форма выражения права // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 24-25.

⁴ Чиркин В.Е. Двадцать лет Конституции России // Гражданин и право. 2013. № 11. С. 15.

⁵ Эбзеев Б.С. Указ. соч. М.: Проспект, 2014. С. 6.

⁶ Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 15.

словом: бедность. Гористый рельеф, малые земельные наделы усложняли земледелие, а постоянный гнёт польской шляхты доводил крестьян до полного измождения. Не лучше жилось и населению маленьких, грязных галицких местечек, особенно после того как разделы Польши отрезали их от традиционных рынков сбыта в Украине. Стоит ли удивляться, что Галичина пользовалась в империи репутацией одной из самых бедных, захудалых окраин. Так, если в 1819 г. средний надел крестьянина в Восточной Галичине составлял 14 акров, то в 1848 г. – уже 9,6, а размеры среднего поместья за те же годы увеличились с 1051 до 1400 акров. Короче говоря, это было то самое общество, в котором богатые неуклонно богатели, а бедные беднели. 3,5 тыс. глухих деревень, почти полное отсутствие проезжих дорог, примитивные методы ведения хозяйства – вот что такое Восточная Галичина того времени. Не удивительно, что и урожаи были здесь, как правило, раза в три меньше тех, что выращивали в Чехии или Австрии, а рацион крестьянина (картошка да капуста) составлял лишь около половины рациона западного европейца. В голодные годы люди здесь просто вымирали. Между 1830 и 1850 гг. смертность в Восточной Галичине превышала рождаемость. Соответственно средняя продолжительность жизни западно-украинского крестьянина была крайне низкой – от 30 до 40 лет.

Разумеется, не все западные украинцы были крестьянами. И если искать среди западно-украинского общества какого-либо рода элиту, то за неимением лучшей придётся остановиться на греко-католическом духовенстве. В преимущественно крестьянском обществе духовенство выбилось в элиту, как говорится, на безрыбье, заменив естественное при данном общественном устройстве элитарное сословие – украинское дворянство, которое ещё в XVI-XVII вв. отказалось от своего народа, полонизировалось, и перешло в католицизм. Вместо дворянских династий, веками связанных со своим «родовым гнездом», в Западной Украине появляются «династии» местных священников. В XIX в. западно-украинское общество состояло всего лишь из двух сословий – крестьянской массы и небольшой касты священников. Западные украинцы не только не имели своего собственного дворянства, но и среди горожан были представлены в ещё более мизерных пропорциях, чем украинцы Российской империи. Всё это дало основания некоторым историкам рассматривать западно-украинское общество XIX в. как «социально

неполноценное».

Основания эти нельзя не признать достаточно серьёзными. В самом деле, отсутствие дворянства в то время практически закрывало доступ к политической власти, без городов же не развивались промышленность и торговля.

В отличие от той части Украины, что вошла в состав Российской империи, Восточная Галичина не имела ни целины, которую можно было бы освоить, ни выхода к морю, который способствовал бы развитию торговли. А в отличие от Западной Европы, где массы крестьян уходили в города, которые нуждались в рабочих руках, даже те города Галичины, что можно было назвать городами (а таких уже было около 60), пребывали в глубоком застое. Короче говоря, возможности хозяйственного развития в этом регионе были весьма и весьма ограничены. Более того, экономическая политика Вены лишь обострила его проблемы, ибо она преследовала цель в основном сохранить аграрный характер восточной части империи и способствовать промышленному развитию лишь западных регионов, прежде всего Австрии и Чехии. При такой политике Галичина была обречена оставаться лишь сырьевым придатком и рынком сбыта готовой продукции, т.е. фактически внутренней колонией более развитых западных провинций империй.

Тот надел пахотной земли, который достался каждому крестьянину в результате всех реформ, представлял собой лишь жалкий клочок, на 70% это были участки размером менее 14 акров. Владея таким земельным участком, средняя семья едва могла сводить концы с концами.

Особенность Украины диктовалась принятыми здесь формами землевладения. В России, где более 95% крестьян жили общинами, они несли коллективную ответственность за новообретённые земли, а плата за них входила в обязанность общины. В Украине же общинные владения были редкостью. Около 85% крестьян Правобережья и почти 70% Левобережья вели единоличное хозяйство. Поэтому большинство украинских крестьянских семей получали индивидуальное право на землю и несли личную ответственность за выплату долга. Так укреплялась и без того сильная привязанность украинских крестьян к частной собственности, отличавшая их от крестьян в России.

В Украине рабочие в сколько-нибудь заметном количестве появляются лишь с середины XIX в. Поначалу большинство из них были за-

действованы в пищевой промышленности, прежде всего на сахарных заводах Правобережья. Но там ещё не было, как правило, пролетариев в строгом смысле слова: по большей части это были сезонные рабочие, в определённое время года вновь возвращавшиеся в свои села и обрабатывавшие свои земли.

Однако в тяжелой промышленности, особенно в Донбассе и Кривбассе, уже появлялся настоящий пролетариат. Именно здесь был самый высокий процент не только постоянных, но и потомственных рабочих.

Галицкие украинцы оставались всецело аграрным народом. В 1900 г. около 95% из них было занято в сельском хозяйстве, лишь около 1% - в промышленности (какой бы малой она ни была) и всего 0,2% - в торговле. Украинская интеллигенция включая священников, была немногочисленной - от 12 до 15 тыс. человек.

В 1859 г. средний крестьянский надел в Восточной Галичине составлял 12 акров (4,8 га), в 1880 г. - уже 7 акров (2,8 га), а в 1902 г. 6 акров (2,4 га).

Говоря иначе, удельный вес крестьян, которых можно было считать бедными (т.е. владевших менее 12 акрами земли), возрос с 66% в 1859 г. до 80% в 1902 г. Главной причиной уменьшения крестьянских наделов были их переделы между детьми владельца: в средней крестьянской семье обычно было до четырёх детей. С уменьшением крестьянского землевладения крупные владения увеличивались, поскольку их собственники скупали земли крестьян, которые уже не могли прокормиться со своих крошечных участков. Таким образом, Восточная Галичина была краем, где около 40% пахотных земель принадлежали 2,4 тыс. крупных землевладельцев, а на сотни тысяч крестьян с их крохотными наделами приходилось 60% обрабатываемой земли. Только около 10% населения Галичины проживало в городах.

К 1902 г. в провинции насчитывалось около 230 тыс. постоянных сезонных рабочих. Из них 18% были украинцы, 24% - евреи, 58% - поляки. Как и в российской Украине, этот очень «молодой» слой сохранял сильные связи с селом, и многие украинские и польские рабочие возвращались к сельскому хозяйству, отработав часть года в промышленности.

Несмотря на все свои усилия, в начале XX в. западные украинцы в

целом ещё увязали в нищете, неграмотность оставалась распространённым явлением, а уровень национального самосознания большей части крестьянства был нулевым.

Крестьяне страдали не столько от безработицы, сколько от катастрофического падения их доходов, вызванного резким снижением спроса на сельскохозяйственную продукцию. В годы Кризиса чистая прибыль с одного акра (0,4 га) в мелких крестьянских хозяйствах снизилась на 70-80%.

Украинские земли, составлявшие около 25% территории Польши, оставались слабо развитыми аграрными окраинами или внутренней колонией, дешёвым сырьевым придатком центральных польских земель, откуда сюда поставлялась весьма дорогая готовая продукция.

Украина была ярко выраженным аграрным районом даже по польским понятиям: около 80% её населения составляло крестьянство (у поляков в среднем 50%) и только 8% – промышленные рабочие (у поляков – 20%). Эти структурные диспропорции были не единственными проблемами, основные экономические проблемы, которые оставались неразрешёнными ещё с довоенных времён, касались сельского хозяйства; главными из них были аграрное перенаселение и малоземельность крестьянских хозяйств. Эта проблема особенно острой была в Галичине, где свыше 75% крестьянских наделов не превышали своими размерами 10 акров (около 4 га).

В уменьшении аграрной перенаселённости снизилась роль эмиграции, поскольку Соединённые Штаты и в меньшей степени Канада сократили эмиграционные квоты. В результате за это время эмигрировало в Америку всего 170 тыс. западных украинцев.

Всего лишь около 135 тыс. западных украинцев было занято в промышленности, главным образом лесной и нефтедобывающей. По оценкам польских исследователей, в 1930-е годы в составе занятого западноукраинского населения интеллигенция составляла 1% (15 тыс. человек).

Галичина в XIX – первой половине XX вв. представляла собой своеобразный конан-дойлевский «Затерянный мир» – в том смысле, что мощные цивилизационные процессы обошли стороной эту гористую территорию.

Поляки развивали в основном систему начального образования, особенно в таких отсталых районах, как Волынь, Полесье и Холмщина;

к 1930-м годам неграмотность на украинских территориях Польши уменьшилась до 28% (на Волини её уровень оставался более высоким).

Из более чем 2400 украинских начальных школ, действовавших в Восточной Галичине в 1912 г., в 1937 г. оставалось только 352. На Волини за тот же период количество украинских школ уменьшилось с 440 до восьми. В области среднего образования ситуация складывалась не менее печальная: в 1931 г. одна польская гимназия приходилась на 16 тыс. человек, а одна украинская на 230 тыс.

Ни Донцов, ни другие идеологи движения не имели чётких представлений о типе государства и характере общества, которые будут установлены после достижения независимости. Они мало что могли сказать и о его социально-экономическом устройстве, отмечая только, что в своей основе, оно будет аграрным, а отношения в нём будут строиться на сотрудничестве государства, кооперативов и частного капитала. В основу политической системы закладывался, принцип правления одной партии – националистической. Иерархия «борцов», или «лучших людей», составляли костяк и руководство этой партии. Во главе движения и будущего государства стоял верховный лидер – вождь, обладавший неограниченной и неоспоримой властью.

Совершенно очевидно, что украинский интегральный национализм нёс в себе элементы фашизма и тоталитаризма. Политически это был даже не столько тоталитарный, сколько протототалитарный режим – с той лишь разницей, что протототалитарные режимы были присущи европейским странам в XV-XVI веках. Подобные тенденции в 1920-е годы имели широкое распространение в Европе, а их влияние, в особенности итальянского фашизма, было особенно ощутимо в Восточной Европе. Однако, как отмечал Иван Лысяк-Рудницкий, западный фашизм, возникший в городской, промышленной среде, не состоял в близком родстве с украинским праворадикальным национализмом. Последний был гораздо ближе к праворадикальным движениям, возникшим в аграрных восточноевропейских странах, таким как «Железная гвардия» в Румынии, «Усташи» в Хорватии, «Стрела и крест» в Венгрии и соответствующие движения в Словакии и Польше.

После 17 сентября 1939 г. новый режим старался выглядеть демократическим. 22 октября 1939 г. он организовал выборы, на которых население было вынуждено голосовать за единственный список канди-

датов – сторонников аннексии Западной Украины Советским Союзом. Не удивительно, что около 93% проголосовали так, как этого хотел режим. Наиболее популярным мероприятием стала экспроприация советской властью польских крупных землевладений и обещание передела их между крестьянами.

Земли, экспроприированные у польских помещиков и «розданные» беднейшим крестьянам, вдруг понадобились для создания колхозов, и около 13% этих земель было коллективизировано. После этого большинство крестьянства, и раньше не пылавшего любовью к Советам, окончательно отвернулось от нового режима.

Локальность действий УПА и то, что основная борьба шла за землю подводят к мысли о том, что всё это органично вписывается в рамки обыкновенной крестьянской войны – с той лишь разницей, что крестьянские (войны проходили в X VII- XVIII вв. В этом плане Галичина задержалась в своём развитии как минимум на два с половиной столетия.

К величайшему огорчению поляков, Сталину удалось убедить Англию и США признать аннексию Советским Союзом большей части Галичины и Волыни – обладание Западной Украиной давало СССР удобную стратегическую позицию относительно Польши, Венгрии и Чехословакии.

Сталинские геополитические планы привели к объединению фактически двух народов в одном государстве – как результат такой политики Юг и Восток испытывают на себе процесс построения идентичности по «западноукраинскому образцу».

Меньше 20 лет назад экономика Украины занимала 8 место в мире. Благополучие Юга и Востока Украины базировалось на индустриальной, экономической основе. Эффективное функционирование индустриальных областей возможно лишь в тесной связи с партнёрами в СНГ. Партия Регионов даёт шанс возродить индустриальный сектор Украины путём восстановления разрушенных экономических связей с бывшими партнёрами. Доля западных областей в промышленном производстве Украины в некоторых случаях не достигает и 1 процента. В поиске заработка население западных областей ориентировано на страны Запада. В целом картина следующая – с одной стороны, Европе не нужен конкурент в виде высокоразвитой индустриальной Украины, с другой стороны – сближение с Европой и, как следствие такого сближе-

ния – вхождение в НАТО поставит крест на возможности полноценного сотрудничества с Россией. Классики были правы – «экономика определяет политику», в нашем случае – это разновекторность ориентаций Юго-востока и Запада Украины.

Проценко Евгений Дмитриевич,
д.ю.н., проф., профессор кафедры государственного права
(РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

Беспалова Мария Владимировна,
аспирант кафедры конституционного права
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
(РАНХиГС, Москва)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: КОРРЕКТИРОВКА ПРИНЦИПА ПРАКТИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

История развития внешнего аспекта суверенитета показывает достаточно трудный путь эволюции суверенитета государства от абсолютной формы к правовой, от нерегулируемой «войны всех против всех» до признания за каждым государством определенных правовых границ, которые оно не вправе нарушать, начало чему было положено Вестфальским мирным договором 1648 года.

Провозглашенные им верховенство и независимость государств продолжали пониматься как абсолютные величины, которые плохо совмещались с правовыми принципами суверенного равенства и невмешательства в дела друг друга. Неудивительно, что эти принципы в международном праве укоренялись крайне медленно, а решающее значение по-прежнему оказывало политическое, силовое превосходство.

Миропорядок, просуществовавший с некоторыми модификациями около трёх столетий, не мог остаться неизменным в XX веке. Как показывает мировая история, важным толчком к развитию сотрудничества государств становятся большие потрясения, распространяющие свои губительные последствия на многие страны. Человечество столкнулось с тяжелейшими мировыми войнами, продемонстрировавшими, что взаимодействие государств на основе только лишь политического равновесия сил без гарантированных юридических обязательств под знаменем абсолютного суверенитета сопряжено с серьёзными угрозами их безопасности.